

оптимистичный взгляд, по крайней мере для периода «бесславных» Крымских походов. Анализу сообщений немецкой прессы о вступлении России в анти-османскую коалицию и походах 1687 и 1689 гг. посвятил раздел своей работы немецкий историк М. Вельке³⁶, пришедший к выводу, что оптимизм первых репортажей о русско-польском союзе быстро сменился нотами разочарования. Уже в июне 1687 г. гамбургская газета писала, что русские, по всей видимости, «не собираются всерьёз вести войну с турками... и нашему извечному врагу в этом году со стороны русских опасаться нечего»³⁷. Исследование реакции европейской — немецкой, голландской, французской, английской — прессы на перипетии русско-турецкой войны, возможно, станет интересным полем для будущих исследователей, тем более что сегодня газеты XVII в. в большинстве оцифрованы и находятся в открытом доступе в интернете.

Несмотря на высказанные критические замечания, коллективная монография о русско-турецкой войне 1686–1700 гг. — важная веха в истории исследования данного конфликта. Написанная с привлечением обширного архивного материала, книга непременно станет справочником для каждого, кто занимается военной историей России раннего Нового времени. Менее известные, но имевшие колоссальное влияние на окончательный итог войны эпизоды, такие как захват и оборона городков в низовье Днепра, получили в монографии должное освещение. Анализ же театра боевых действий на Северном Кавказе и в Прикаспии не только добавляет новую страницу в историю русско-турецкой войны, но и позволяет лучше понять методы взаимодействия Российского государства с локальными правителями и сообществами на своей периферии.

Пётр Аваков. Первая монография о первой войне Петра I*

Piotr Avakov (Federal Research Centre the Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences, Rostov on Don). The first monograph on Peter I's first War

DOI: 10.31857/S2949124X24020059, EDN: HJDSRJ

Русско-турецкая война конца XVII в. — самая продолжительная за всю историю противостояния России и Османской империи и первая в царствование Петра I — имеет сложную историографическую судьбу. Долгое время она не осмысливалась историками как единый конфликт и дробилась ими даже не на кампании, а на отдельные военные операции. Самые известные из них — Крымские походы 1687 и 1689 гг. и Азовские походы 1695–1696 гг. — традиционно представляются в литературе своеобразными «пьесами без начала и конца», слабо связанными друг с другом. До сих пор отсутствует чёткое понимание хронологических рамок войны. Совместный труд А.Г. Гуськова, К.А. Кочегарова и С.М. Шамина представляет собой первый опыт её цельного комплексного изучения. Данный факт уже сам по себе делает книгу незаурядным явлением отечественной историографии.

³⁶ Welke M. Rußland in der deutschen Publizistik des 17. Jahrhunderts (1613–1689) // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 23. Berlin, 1976. S. 236–243.

³⁷ Ibid. S. 240.

* Материал подготовлен в рамках выполнения государственного задания Южного научного центра РАН на 2024 г. (проект № 122020100347-2).

Читателя, избалованного в последние годы литературой о различных проблемах военной истории России XVII в., ждёт нечто большее, чем пошаговое схематизированное описание хода боевых действий, сухой анализ стратегических планов и тактических приёмов и подсчёт потерь. Авторы монографии следуют классической формуле К. фон Клаузевица, квалифицировавшего войну как «продолжение политики другими средствами», одновременно подтверждая верность высказывания конкретным историческим материалом. Перед нами — фундаментальное исследование, основанное на внушительной и репрезентативной источниковой базе, представленной прежде всего материалами текущего делопроизводства Посольского и Разрядного приказов из собрания РГАДА, а также документами из фонда Астраханской приказной палаты Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН, фонда Радзивиллов Центрального архива исторических актов в Варшаве и портфелей Нарушевича из Библиотеки Чарторыйских в Кракове. Количество использованных при написании книги архивных дел насчитывает не одну сотню (к сожалению, их общий список отсутствует), причём большая часть выявленных документов впервые вводится в научный оборот.

Свою задачу авторы видели в обеспечении комплексного взгляда на историю недооцененной в историографии войны, поэтому они «не замыкаются лишь на описании военных действий, но и затрагивают, по возможности, военно-мобилизационные усилия, логистику, специфику малой войны в отдалённых и периферийных регионах, идеологическое обрамление кампаний и военно-дипломатическую активность русского правительства» (с. 8). Как всякое интересное и фундированное исследование, монография вызывает желание поспорить с авторами.

В отличие от мастерского анализа историографии (с. 10–20), демонстрирующего несомненную новизну исследования, предпринятый его авторами беглый обзор привлечённых источников, уместившийся на трёх страницах, имеет формальный характер. Он недостаточно систематизирован и не содержит вдумчивых источниковедческих наблюдений, что вряд ли уместно в исследованиях такого жанра и уровня (с. 21–23).

Предложенная во введении трёхчленная периодизация войны не лишена резона, но довольно противоречива. Если при выделении первого и третьего периодов («Крымского» 1686–1689 и «Османского» 1695–1700 гг.) исследователи отталкивались от непосредственных стратегических противников России в указанные временные отрезки, то отличительной чертой второго периода («Оборонительного» 1690–1694 гг.) является уже качественная характеристика (с. 8). Между тем оборонительный характер в равной степени имели кампании как 1688, так и 1697–1698 гг., а отчасти даже 1696 г. — на крымском направлении. И наоборот, трудно считать оборонительными набеги объединённого двухтысячного отряда правобережных и левобережных украинских казаков на Очаков и Буджакскую орду в 1694 г. (с. 293–294). При этом Очаков — османская крепость, а нагайцы Буджака — подданные крымского хана. Другое дело, что наступательные действия, проводившиеся в 1690–1694 гг. силами украинских и донских казаков, представляли собой «малую войну», чьё значение несравнимо с крупномасштабными походами 1697–1698 гг., предпринятыми для удержания сделанных ранее завоеваний. Объединение кампаний 1695–1696 и 1697–1698 гг. в один период представляется несколько искусственным — с учётом того, что после 1696 г. Россия практически утратила наступательный

потенциал и сосредоточилась на стратегической обороне, на что обращают внимание и сами авторы (с. 363).

В 1699–1700 гг., во время Карловицкого перемирия, военные действия между российскими и османскими войсками вообще не велись. Происходившие же в эти годы на Дону и на других южных окраинах России эпизодические стычки с крымскими татарами и ногайцами не выходили за рамки перманентной пограничной войны (с. 401–402), тесно связанной с так называемой набеговой экономикой. Набеги не прекратились и после заключения в июле 1700 г. Константинопольского мирного договора, разве что снизилась их интенсивность. В этой связи уязвимой для критики является определённая Гуськовым, Кочегаровым и Шапиным дата завершения военного конфликта, увязанная с подписанием этого соглашения. Справедливо отмечая, что «указание на 1699 г. как на время окончания войны нельзя считать ошибкой» (с. 11), они допускают вариативность в столь конкретном международно-правовом вопросе, требующем однозначности. Безусловно, Константинопольский договор 1700 г. подвёл итоги начавшейся в 1686 г. русско-турецкой войны, но прекратилась она ещё с началом в январе 1699 г. Карловицкого перемирия и до заключения мира не возобновлялась. Приведённые доводы в пользу иной датировки, пусть даже и более широко распространённой «в текущей историографии» (с. 11), данный факт отменить не могут. Следовательно, указанная в названии монографии конечная дата войны ошибочна³⁸. Согласившись с ней и приняв некоторые из предложенных в её пользу аргументов, придётся признать, что русско-польская война 1654–1667 гг. завершилась только с заключением в 1686 г. Московского договора о «вечном мире», а советско-японская война 1945 г. продолжается до сих пор.

Глава, раскрывающая причины и предпосылки войны на фоне развития русско-крымско-турецко-польских отношений в 1681–1686 гг., захватывает внимание читателя с первых страниц. Данный вопрос в той или иной степени уже затрагивался в трудах историков, но ещё не находил всестороннего освещения и не подвергался столь скрупулёзному анализу. Авторы показывают, что истоки нового конфликта лежали в не удовлетворивших Россию итогах предыдущей войны с Османской империей 1672–1681 гг. и избирательном подходе Порты к имплементации Бахчисарайского мирного договора 1681 г. Когда султан Мехмед IV решился пойти на уступки, было уже поздно: 26 апреля 1686 г. цари Иван и Пётр утвердили Московский договор о «вечном мире» и военном союзе с Речью Посполитой, начав тем самым войну с Османской империей (с. 43, 44). Заслуживает внимания суждение об «осторожности внешнеполитической стратегии Москвы», не присоединившейся к Священной лиге на правах полноправного члена, а лишь примкнувшей к ней в качестве союзника Варшавы. Такого рода аффилиация позволяла России участвовать в будущих мирных переговорах государств-членов Лиги с Портой и одновременно давала «относительную свободу в реализации союзнических обязательств», которые цари имели только перед польским королём (с. 42). Одной из главных политических задач российского правительства, ради решения которой оно начало войну, было изменение сложившегося после 1681 г. баланса в отношениях с Крымским ханством.

³⁸ См.: Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII – начала XVIII века. СПб., 2022. С. 296–297.

Следующие три главы посвящены четырём военным кампаниям 1686–1689 гг., спланированным и проведённым правительством царевны Софьи. Крымский фактор, сыгравший важнейшую роль при заключении союза с Речью Посполитой, определил и основной вектор военной активности России на ближайшие три года. В соответствии с условиями союзного договора царские войска в 1687 и 1689 гг. совершили два похода на Крым, не принёсшие стране ни крупных военных побед, ни территориальных приобретений. Авторам удалось детально изучить историю этих беспрецедентных для своего времени военных экспедиций, проследив их ход от этапа планирования до подведения итогов, причём на широком архивном материале. К заслугам авторского коллектива, имеющим принципиальное значение для науки, следует отнести определение конкретных стратегических целей Крымских походов, в предшествующей историографии изложенных туманно. Четверть века эту задачу, опираясь на литературно-публицистические источники той эпохи, тщился решить А.П. Богданов³⁹, но это равносильно изучению истории Великой Отечественной войны по передовицам газеты «Правда». В этой связи резонно предложение авторов монографии осторожно относиться к попыткам проецирования публицистических оценок на реальный ход событий (с. 15). Между тем из наказов, врученных дворовому воеводе Большого полка кн. В.В. Голицыну, и его попыток реализовать их политическую составляющую следует, что посредством военного давления Москва рассчитывала склонить крымского хана Селим-Гирея I к переговорам и заключению нового мирного договора на условиях перехода «под высокодержавную руку великих государей», либо, как минимум, отказа от ежегодных «поминков» (с. 68–73, 170–173, 227–231, 255).

Отдельная глава охватывает более продолжительный период войны с 1690 по 1694 г., что обусловлено как значительным снижением активности боевых действий, так и изменением их характера и масштаба. Ранее русско-турецкое противоборство тех лет изучалось отрывочно и изолированно, лишь в контексте истории Украины и донского казачества, но в обсуждаемой монографии разрозненные стычки и набеги впервые объединены общей канвой. Довольно странно видеть здесь упоминание о походе Красноярского воеводы против енисейских киргизов 1692 г. в качестве «эха “большой” войны», идущей в другой части света (с. 276). С таким же успехом можно было связать Крымские походы с осадами Албазинского острога китайской армией в 1685–1686 гг. Всего несколько строк уделено безуспешной дипломатической миссии В.И. Айтемирева в Крыму 1692–1695 гг., свидетельствующей о пребывании правительства Нарышкиных во внешнеполитическом тупике (с. 295). Пожалуй, этот сюжет заслуживает большего внимания.

Освещающая кампанию 1695 г. глава — самая короткая в книге, что несколько неожиданно на фоне капитального труда М.М. Богословского, где этим же событиям отведено десять глав⁴⁰. Возможно, минимизация обусловлена состоянием источников и «историографической ситуацией». Первый Азовский поход почти не оставил следов в сохранившихся делопроизводственных мате-

³⁹ Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 163–164, 168–169, 177–178; Богданов А.П. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. Изд. 2, испр. и доп. М.; Берлин, 2020. С. 466, 471–472, 480–482 (первое издание книги вышло в 1995 г.).

⁴⁰ Богословский М.М. Пётр Великий: Материалы для биографии: В 6 т. Т. 1. М., 2005. С. 203–265.

риалах московских приказов, но это не помешало Н.Г. Устрялову и М.М. Богословскому изучить его буквально по дням, опираясь на другие источники. Хорошо «задокументированный» Казыкерменский поход, традиционно находившийся в тени Азовского, не так давно был исследован А.В. Багров в парадигме истории украинского казачества⁴¹. Центральными сюжетами главы являются эти две операции, ознаменовавшие переход России к завоевательной стратегии в отношении османской территории и имевшие поворотное значение для дальнейшего хода войны. Наибольший интерес здесь представляет не лапидарное в сравнении с предшествующими главами описание военных действий, а осмысление резкой смены военно-стратегического курса российского руководства и выбора новых целей для нанесения удара.

Источники не позволяют дать прямого ответа на вопрос, почему к февралю 1695 г. главным объектом атаки Пётр I избрал именно Азов. В том, что выбор сделал непосредственно он, и что данная цель была главной, сомневаться не приходится — на это указывает само участие государя в Азовских походах и их подготовке. Однако авторы книги воздерживаются от такого вывода. Особенно детально они изучили планирование второй военной экспедиции, сначала задуманной как вспомогательная демонстрация на северной окраине Крымского ханства, но затем обернувшейся осадой четырёх османских крепостей у Таванской переправы через Днепр. Авторы книги утверждают: в итоге «днепровский театр военных действий стал основным», поскольку именно там «было задействовано наибольшее число войск и достигнуты основные успехи» (с. 303), ведь Казыкермень и три соседние крепости удалось взять, а Азов — нет. Любопытно, как отреагировал бы на это Пётр I, доведись ему узнать, что в 1695 г. пули свистели над ним на второстепенном театре войны? Однако в следующем году он уже «оказался» основным (с. 318).

Великолепные авторские находки ожидают читателя в главе, которая с исчерпывающей полнотой освещает события кампании 1696 г. и её дипломатическое сопровождение. Глава открывается малоизученным сюжетом о миссии посланника К.Н. Нефимонова в Вене 1696–1697 гг., окончившейся подписанием 29 января 1697 г. трёхстороннего союзного договора, по которому Россия вступила в Священную лигу. Препарированное описание хода миссии и чрезвычайное внимание к её итогам, вероятно, обусловлено живучестью в историографии ошибочного мнения о начале этого членства с 1686 г.

Второй Азовский поход рассматривается гораздо пристальнее первого, причём и с противоположной стороны — османской. Читателю открывается взгляд на происходящее из осажденного Азова и близлежащего лагеря османско-крымского войска у р. Кагальник. Авторы смогли расширить фокус благодаря введению в научный оборот процессуальных документов разрядного шатра воеводы Большого полка А.С. Шеина и разряда посольских дел — походного филиала Посольского приказа, возглавляемого Н.М. Зотовым. Допрошенные там пленные турки, ногайцы и крымские татары, а также бежавшие из Азова и кагальницкого лагеря невольники и работники сообщили уникальные сведения о положении дел у защитников города со времён его прошлой годней осады. Остаётся только догадываться, почему Гуськов, Кочегаров и Шамин не только не подчеркнули источниковедческую ценность и принципиальное значение

⁴¹ Багров А.В. Украинское казачество и первый Азово-Днепровский поход. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015.

этих документов для решения поставленных исследовательских задач, но даже не упомянули об их использовании.

Сложно разделить скептицизм авторов в оценке вклада российской галерной эскадры в победоносное завершение второго Азовского похода. По их мнению, «для морской блокады Азова ввиду мелководья устья Дона был нужен не морской флот, а небольшие суда... донских казаков». Почти крамольным в контексте истории отечественного военно-морского флота выглядит суждение: «основную роль в блокировании морского и речного сообщения с Азовом сыграли не суда, а форты, снабжённые артиллерией» (с. 351). Представляется, что 40 казачьих стругов, на которых донцы 20 мая 1696 г. атаковали османскую флотилию в устье Дона (с. 350–351), едва ли были способны перекрыть его и в статичном положении выдержать огонь корабельной артиллерии противника. Науке неизвестны примеры применения казаками самоубийственной для них линейной тактики в морских сражениях с османским флотом. Тезис же об эффективности двух шанцев, построенных генералом П. Гордоном на берегах Дона, в значительной степени умозрительный, поскольку в источниках конкретные данные на этот счёт отсутствуют. Не следует забывать, что первый шанец был сооружён 19 мая — всего за день до разгрома казаками отряда османских судов и за неделю до выхода в море 24 российских галер и 4 брандеров, преградивших вход в гирло Большая Кутерьма — северный судоходный рукав дельты Дона. Второй шанец заложили уже 2 июня — спустя восемь дней после начала морской блокады Азова⁴². Укрепления на берегу основного русла реки могли контролировать лишь его и неспособны были помешать высадке османского десанта на удалённом от них морском побережье. Самым коварным «противником» османской флотилии в те майские дни оказался сильный восточный ветер, буквально сдувший воду из устья Дона в море, что привело к обмелению реки. А понимание важной роли «московских морских судов» в осаде Азова отражено в показаниях пленных и «выходцев», допрошенных в мае–июне 1696 г. в лагере Большого полка⁴³.

В последующие годы Москва, стремясь защитить свои недавние завоевания от реваншистских поползновений Константинополя, перешла к оборонной стратегии. Авторы убедительно показали, что особенно болезненной для Порты стала потеря «днепровских городков», географически близких к Крыму и приднестровским владениям султана и имевших стратегическое коммуникационное значение. Поэтому в 1697–1698 гг. основные усилия Османской империи в противоборстве с Россией были направлены на охрану Очакова и возвращение четырёх крепостей в районе Таванской переправы. Для защиты приобретённых в низовьях Днепра и Дона плацдармов Москва организовала в 1697–1698 гг. по два похода. Большое внимание в книге уделено кульминационному событию кампании 1697 г. — обороне Таванска и Казыкерменя, ставшей самым серьёзным вкладом России в коалиционную войну «с точки зрения отвлечения на себя сил противника». Именно тогда, по мнению авторов, русско-турецкий конфликт достиг наибольшей интенсивности (с. 402, 507–508).

⁴² ОР БАН, собр. Петровской галереи, № 32/2; Krigsarkivet. Utländska kartor Ryssland Floder och kanaler. 34. В. 32; РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1638, л. 114; *Гордон П.* Дневник: 1696–1698. М., 2018. С. 28, 30, 31; Походный журнал 1696 года. СПб., 1853. С. 11–12.

⁴³ *Аваков П.А.* «Азовский проект» Петра I... С. 211–213.

Особняком стоит глава, рассказывающая о «войне на Северном Кавказе и в Северном Прикаспии». Уже сама постановка вопроса о распространении этого конфликта на данную территорию является новаторской. Но осознавали ли местные участники перманентного вооружённого противостояния, связанного с давним политическим соперничеством Москвы и Бахчисарая в буферном регионе, что они вовлечены в ту самую русско-турецкую войну? Авторы полагают, что осознавали. Подтверждением тому призваны служить факты нападения крымских отрядов на городки гребенских (терских) казаков в 1688 г. и на крепость Терки в 1689 и 1697 гг.

Читателя ждёт интереснейший рассказ об отражении войны с Османской империей и Крымским ханством в официальной российской идеологии и пропаганде, в том числе распространявшейся за рубежом. Гуськов, Кочегаров и Шамин привели немало интересных фактов и сделали ряд ценных наблюдений, из которых следует, что презентация правительством России её военных успехов (реальных и мнимых) в выгодном ключе была важна для формирования общественного мнения как в странах-союзниках, так и среди населения своей страны. Последнее не составляло для властей особого труда, учитывая устойчивость окрашенных в религиозные тона антикрымских и антиосманских настроений в русском обществе. Для продвижения соответствующих нарративов на разных уровнях правительство использовало широкий спектр методов и информационных каналов — от религиозных церемоний до печатных реляций на иностранных языках. Правда, приведённые здесь примеры средств массовой пропаганды, применявшихся во время кампаний 1687–1689 и 1695–1698 гг., разнородны по составу. Рассматривая старое и новое в официальной пропаганде «времен Азовских походов», авторы не уделили должного внимания её церковно-ритуальной компоненте, о которой подробно рассказано в контексте Крымских походов. Если уж сообщается о вручении Голицыну в феврале 1687 г. перед выступлением в Крым боевого знамени с образом Спаса Нерукотворного, которое в 1552 г. брал в поход на Казань царь Иван IV (с. 54, 441), то следовало бы упомянуть и о выдаче этой реликвии в январе 1696 г. Шеину, отправлявшемуся покорять Азов⁴⁴.

Освещена в книге, хотя и обзорно, и дипломатическая активность России на завершающем этапе войны. После Богословского сложно написать что-то принципиально новое о Великом посольстве, Карловицком конгрессе и мирных переговорах в Константинополе, но обойти их стороной в данном исследовании невозможно. Большое значение для понимания итогов конфликта имеют рассмотренные авторами вопросы ратификации и имплементации Константинопольского мирного договора 1700 г., включая сюжет о демаркации русско-турецкой границы в 1704–1705 гг.

Нельзя не отметить хорошо продуманный иллюстративный ряд книги, включающий не только воспроизведения офортов, живописных портретов, карт и планов XVII–XVIII вв., но и специально созданные исторические карты.

Чрезвычайная фактологическая насыщенность монографии делает неизбежным наличие отдельных ошибок и неточностей, на чём хочется остановиться подробнее. Утверждая, что 7 октября 1698 г., почти за месяц до начала Карловицкого конгресса, было объявлено перемирие «между странами анти-турецкой коалиции и Османской империей» (с. 401), авторы вводят читателя

⁴⁴ РГАДА, ф. 210, оп. 12, д. 1422, л. 132–133.

в заблуждение. Может создаться впечатление, будто Великая турецкая война 1683–1699 гг. прекратилась уже тогда, однако иллюзия рассеивается при обращении к статейному списку П.Б. Возницына, российского посла на конгрессе. 6 октября он узнал от австрийского коменданта близлежащей крепости Петерварадайн, «что для безопасности комиссии, постановили они от Петр-Варадына до Бела-города между цесарскими и турецкими войсками быть землею и водою армистициум, то есть уняtie оружия», который и вступил в силу на следующий день⁴⁵. Таким образом, перемирие было заключено лишь между армиями Священной Римской и Османской империй и только в том районе Сербии, где буквально на линии боевого соприкосновения проводился Карловицкий конгресс. В наши дни на языке международного права такое перемирие называется местным.

Идя на поводу присущей приказным документам XVII в. вариативности при передаче восточных имён, титулов и названий должностей, авторы воздержались от их унифицированной транслитерации, что несколько дезориентирует читателя. В одном случае это сыграло с авторами злую шутку и превратило Чакдорджаба, старшего сына калмыцкого хана Аюки, в двух других его сыновей, никогда не существовавших: Шабдара и Чапа (с. 402, 426). Пояснения некоторых османских терминов в подстрочных примечаниях предельно лаконичны и иногда лишены конкретики, например: «Чауш-баши (тур. *Çavuşbaşı*) — чиновник высокого ранга» (с. 333). Но в данном случае в источнике речь идёт не о чавушбаши (*çavuşbaşı*) — дворцовом чиновнике, возглавлявшем подразделение чавушей Дивана, а о башчавуше (*başçavuş*) — одном из высших командиров янычарского корпуса. Некоторые термины и вовсе оставлены без объяснений, например — «чюрбачей» (с. 333), т.е. чорбаджи (*çorbacı*) — младший офицерский чин в янычарском корпусе, соответствующий сотнику.

Констатируя факт последней передачи российским правительством «поминков» крымскому хану в октябре 1685 г., авторы ошибочно приписывают П.А. Авакову и Д.В. Сеню датировку этого события следующим годом (с. 39, 485). Между тем мы с соавтором писали, что «Москва перестала отправлять в Крым “поминки” не в 1700-м, а в 1686 г. — после заключения антитурецкого союза с Речью Посполитой»⁴⁶. Вполне очевидно, что год, с которого прекратились выплаты, следует за годом, когда они были сделаны в последний раз.

На карте театра войны, отражающей и территориальные приобретения России по условиям Константинопольского договора 1700 г. (рис. 8), неверно показана установленная им линия государственной границы в Северо-Восточном Приазовье, охватывающая и нейтральную зону на северном побережье Азовского моря, о которой упомянуто в последней главе (с. 491). В действительности, на западе рубеж проходил по течению р. Миус, а на юго-востоке — по диагонали от Азова до левого берега Ейского лимана, не описывая такую дугу на восток в направлении степи, как изображено на карте⁴⁷.

⁴⁵ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 9. СПб., 1868. Стб. 143–147.

⁴⁶ Аваков П.А., Сень Д.В. Крымско-российские отношения и новая система международных договоров (1700–1772 гг.) // История крымских татар. В 5 т. Т. 3. Казань, 2021. С. 383.

⁴⁷ Галкович Г.Б. Методика изучения картографических источников XVIII в. // Историко-географический сборник. Вып. 1. Краснодар, 2007. С. 50–51, 58–59; РГАДА, ф. 192, оп. 1, Таврическая губерния, д. 2.

Высказанная критика, надеюсь, побудит авторов к дальнейшему изучению данной проблематики, раскрытию некоторых затронутых сюжетов и уточнению отдельных исторических фактов. Монография Гуськова, Кочегарова и Шамина не только позволяет читателю по-новому взглянуть на многие, казалось бы, общеизвестные эпизоды истории России кануна «петровских реформ», но и существенно обогащает имеющиеся в науке знания об эпохе. Исследование может служить очередным подтверждением искусственности разделения отечественной истории на петровский и допетровский периоды, резкая грань между которыми существует только в воображении некоторых историков и публицистов. Изучение русско-турецкой войны 1686—1699 гг. помогает преодолеть этот барьер и более взвешенно оценить соотношение преемственности и новаторства в политике молодого Петра I. Перед нами впервые предстала масштабная, величественная и цельная картина 12-летней войны, наконец вышедшей из тени Великого посольства и Карловицкого конгресса и занявшей причитающееся ей в историографии место. Единство концептуально-методологических подходов и литературного стиля, высокий уровень научной культуры и профессиональной эрудиции соавторов труда выделяют его из общего ряда «коллективных монографий», многие из которых, по сути, являются сборниками статей. К авторским удачам следует отнести умелое сочетание анализа и синтеза, баланс между широтой затронутых вопросов и выразительными деталями, увлекательную (но лишённую эмоциональной окраски) манеру изложения материала и хороший литературный язык. Без сомнения, обсуждаемую монографию ждёт долгая читательская судьба, и новые поколения историков не смогут обойти вниманием её фактографическое и концептуальное богатство.